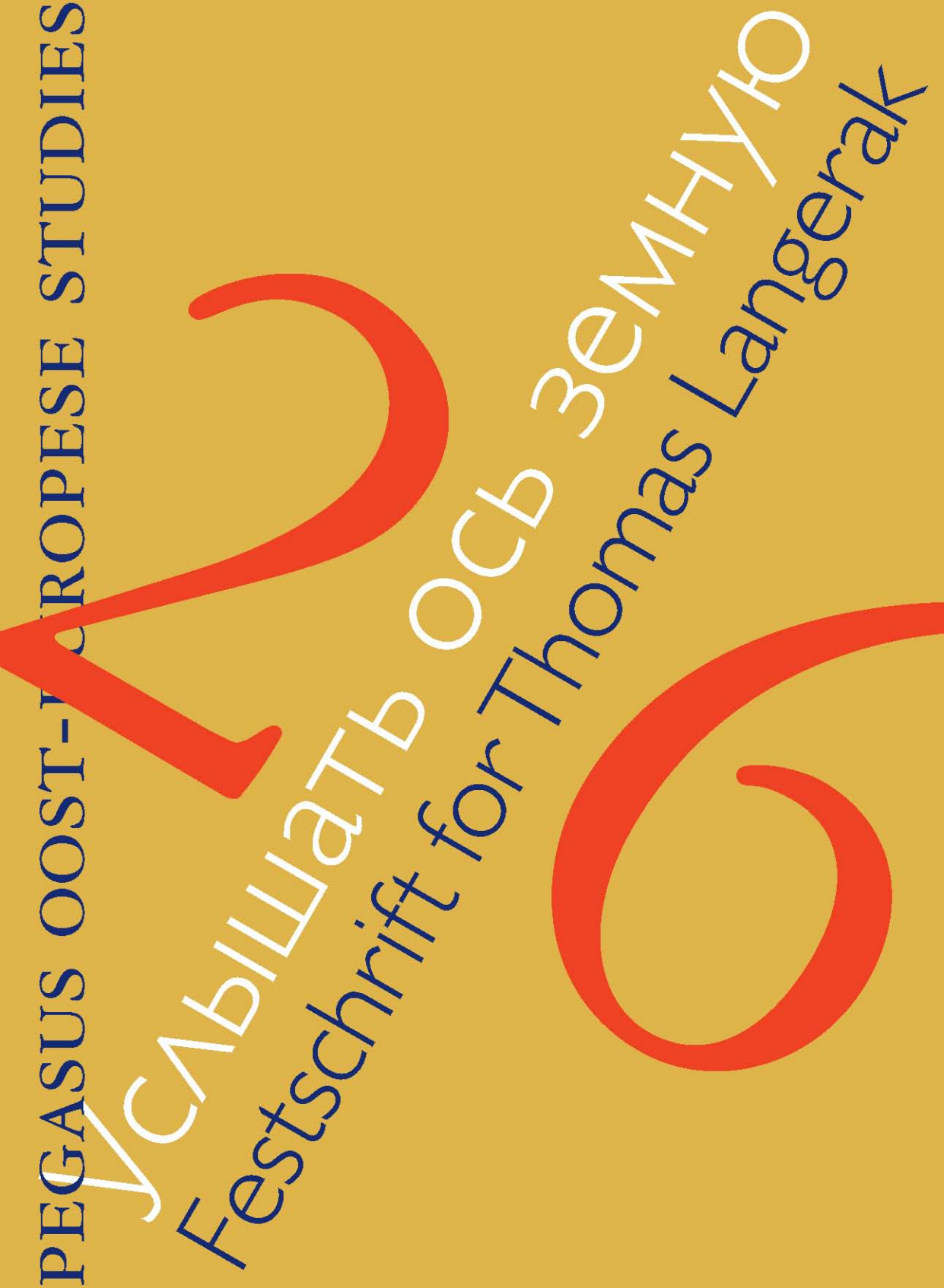

PEGASUS OOST-EUROPESE STUDIES

УСЛЫШАТЬ ОСЬ ЗЕМНУЮ

Festschrift for Thomas Langerak

УСЛЫШАТЬ ОСЬ ЗЕМНУЮ

УСЛЫШАТЬ ОСЬ ЗЕМНУЮ

Festschrift for Thomas Langerak
on the occasion of his retirement

Edited by:
Ben Dhooge
Michel De Dobbeleer

Pegasus Oost-Europese Studies 26
Uitgeverij Pegasus, Amsterdam 2016

PEGASUS OOST-EUROPESE STUDIES is een serie studies op het gebied van de Oost-Europese taalkunde, letterkunde, cultuurkunde en geschiedenis onder redactie van:

prof. dr. Raymond Detrez (Universiteit Gent)

prof. dr. Wim Honselaar (Universiteit van Amsterdam)

prof. dr. Thomas Langerak (Universiteit Gent)

prof. dr. Willem Weststeijn (Universiteit van Amsterdam)

Redactieadres:

Uitgeverij Pegasus

Postbus 11470

1001 GL Amsterdam

Nederland

E-mail POES@pegasusboek.nl

© Copyright 2016 Uitgeverij Pegasus, Amsterdam

www.pegasusboek.nl

ISBN 978 90 6143 412 2 / NUR 610

ISSN 1572-0683

Bandontwerp en vormgeving LevievanderMeer

Druk en afwerking Koninklijke Wöhrmann bv

Alle rechten voorbehouden. Niets uit deze uitgave mag worden veeleenvoudigd, opgeslagen in een geautomatiseerd gegevensbestand, of openbaar gemaakt, in enige vorm of op enige wijze, hetzij elektronisch, mechanisch, door fotokopieën, opnamen, of enig andere manier, zonder voorafgaande schriftelijke toestemming van de uitgever.

Voor zover het maken van kopieën uit deze uitgave is toegestaan op grond van artikel 16B Auteurswet 1912 j* het besluit van 20 juni 1974, St.b. 351, zoals gewijzigd bij het Besluit van 23 augustus 1985, St.b. 471 en artikel 17 Auteurswet 1912, dient men de daarvoor wettelijk verschuldigde vergoedingen te voldoen aan de Stichting Reprorecht (Postbus 3060, 2130 KB Hoofddorp). Voor het overnemen van (een) gedeelte(n) uit deze uitgave in bloemlezingen, readers en andere compilatiewerken (artikel 16 Auteurswet 1912), dient men zich tot de uitgever te wenden.

Ondanks alle aan de samenstelling van de tekst bestede zorg, kan noch de redactie noch de uitgever aansprakelijkheid aanvaarden voor eventuele schade, die zou kunnen voortvloeien uit enige fout, die in deze uitgave zou kunnen voorkomen.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a database or retrieval system, or published, in any form or in any way, electronically, mechanically, by print, photoprint, microfilm or any other means without prior written permission from the publisher.

PREFACE

Ben Dhooge

For Thomas –
professor, supervisor, mentor, colleague, friend

In October 2015, Thomas Langerak retired as Professor of Russian Literature in the Slavonic and East European Studies section within the Department of Languages and Cultures at Ghent University. It is a great honor to offer him a Festschrift on this occasion.

Thomas Langerak has introduced many generations of students to the Russian language and to Russian literature and culture – not only at Ghent University, but also at the University of Amsterdam, where he worked before moving to Ghent in 2000. Thomas has been a most motivating teacher, easily able to pass on his own enthusiasm for Russian literature and culture to his students. There is no student of Thomas's who could fail to appreciate Russian literature and culture in all its forms and across every era. Indeed, there is no student of Thomas's who could fail to gain an appreciation of those less easily digestible Russian authors, such as Andrej Platonov, Osip Mandel'stam, Iosif Brodskij and Dmitrij Prigov. And there is no student of his who can now look at Russian poetry without thinking back to his former professor's continuous emphasis on verse, meter, rhyme, and translation. Thomas has been an inspiring and supportive mentor, for students within and outside of the program, for graduate students, and for colleagues alike.

In terms of scholarly work, Thomas has gained international acclaim, especially with his pioneering work on Platonov's early life and oeuvre. Being one of the writer-engineer's *pervootkryvateli*, Thomas has contributed significantly to the development of Platonov studies into the fully-fledged research field that we know today. He has also added to our understanding of Mandel'stam's oeuvre,

especially of those poems in which *ekphrasis* – another one of his key research interests – plays a central role. In addition to his work on early-twentieth-century literature, in the last years Thomas has focused increasingly on late-twentieth-century and early-twenty-first-century poets, such as Boris Chersonskij, Bachyt Kenžeev, Vera Pavlova and Boris Ryžij. Lastly, Thomas has studied extensively the reception – translations, readers' responses, intertextual dialogues, adaptations – of Russian literature in the Low Countries. Directly related to this, he has also worked on the image of the Netherlands and Belgium in Russian literature, with an occasional detour to the reception of Dutch literature in Russia.

Students and teachers of Russian in Belgium and the Netherlands, then, have come to know Thomas as the chief editor of the Russian handbook *Pasport v Rossiju*. The broader public has known him primarily as an active promoter and editor of Russian literature, from Andrej Platonov, Daniil Charms and Osip Mandel'stam to Ol'ga Sedakova, Bachyt Kenžeev and Boris Chersonskij, to name just a few. Last but not least, poetry lovers in the Low Countries have known Thomas as the driving force behind the Ghent Collective of Poetry Translators and its translations of Russian poets as diverse as Aleksandr Puškin, Aleksandr Blok, Iosif Brodskij, Dmitrij Prigov, Boris Ryžij, Aleksandr Kabanov and Vera Pavlova.

This Festschrift, with Mandel'stam's line *услышать ось земную* as its subtitle, tries to reflect the wide array of topics that Thomas dealt with in his rich career. There is no better way to do this than to collect articles by his friends and colleagues that focus on those topics that have been at the heart of Thomas's work: Andrej Platonov's life and oeuvre; Osip Mandel'stam's oeuvre; *ekphrasis* or the interrelationship between poetry and the other arts; Russian prose and poetry in general; and Russian literature in the Low Countries and the Low Countries in Russian literature. Besides reflecting Thomas's spheres of interest, this edited volume first and foremost wants to pay homage to him. Friends and colleagues of different generations have gathered here to pay tribute to Thomas – by dedicating a scholarly article to him and/or by honoring him in the *tabula gratulatoria*.

I would like to express my gratitude to all those who in one way or another have helped to realize this Festschrift: to all the scholars who have contributed to this volume; to Nadja Louwerse and Jan Robert Braat for their useful suggestions

PREFACE

and for getting their hands on Thomas's address book; to my co-editor, Michel De Dobbeleer, for his keen eye for detail; to the publisher, Susan van Oostveen, for her patience, continuous support and useful suggestions; to my colleagues in Slavonic and East European Studies for keeping this project and the ceremony a secret to Thomas; to Inge Claerhout, Raïssa De Keyser, Hilde De Paepe, Tilde Geerardyn, and Sabine Van Cauwenberghe for their help in organizing the ceremony.

Ghent, March 5, 2016

CONTENTS

Ben Dhooge	
PREFACE	v
Contents	ix
Елена Антонова	
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ – УЧАСТНИК ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА <i>КРАСНОЙ НИВЫ</i>	1
Ирина Белобровцева	
СТИХОТВОРЕНИЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ ‘АХМАТОВОЙ’ (“КЕМ ПОЛОСЫНЬКА ТВОЯ...”): ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ, И НЕ ТОЛЬКО	21
Otto Boele	
VASILIJ SLEPCOV’S COMMUNE ON ZNAMENSKAJA STREET (1863-1864): HAREM OR MONASTERY?	33
Philip Ross Bullock	
“A COOL TRANSPARENCY”: PLATONOV AND THE AFFORDANCE OF VISION	43
Wim Coudenys	
ZEVENKERKEN, EEN TOLSTOJ-BEDEVAARTSOORD IN DE WEST-VLAAMSE BOSSEN	59
Michel De Dobbeleer	
BLINDING ON SEVERAL LEVELS: ANDREJ PLATONOV’S ‘THE FIERCE AND BEAUTIFUL WORLD’ AS (‘OEDIPEAN’) WORLD LITERATURE	77

CONTENTS

Сергей Доценко “ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА” ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ В АПОКРИФЕ А. М. РЕМИЗОВА ‘РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО’	91
Андрей Фаустов “Я И САДОВНИК, Я ЖЕ И ЦВЕТОК...”: ОБ ОДНОЙ СУБЪЕКТНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАНДЕЛЬШТАМА	105
Giulia Gigante ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОТЗВУКИ В ПОЭЗИИ ЕЛЕНЫ ШВАРЦ	129
Eric de Haard ROCK AND WAVE IN NINETEENTH-CENTURY RUSSIAN AND GREEK LITERATURE	139
Robert Hodel ZACHAR PRILEPIN: <i>SANKYA</i> UND DIE NEUE “BODENSTÄNDIGKEIT” (<i>POČVENNIČESTVO</i>)	157
Wim Honselaar НОЕ БАБЕЛЬ IS BABEL?	177
Денис Иоффе ПРИГОВ И ПОЭТИЧЕСКИЙ “РАЗГОВОР НА РАССТОЯНИИ”. КРЕАТИВНАЯ РАСШИФРОВКА ‘ТЕЛЕФОН-№ 2В-128’ И ‘ШЛИ МЫ УЗКОЙ СТЕЖКОЙ’	193
Евгений Яблоков О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ РАССКАЗА ‘АНТИСЕКСУС’	213
Елена Колесникова АЛЕКСАНДР БЛОК И АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	227

CONTENTS

Наталья Корниенко “ФАКТ” И ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИИ ГОРОДА ГРАДОВА (ИЗ ОПЫТА КОММЕНТАРИЯ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА ‘ГОРОД ГРАДОВ’)	255
Олег Лекманов СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПЕРЕД КОМПЬЮТЕРОМ: ДЕВЯТЬ ВАРИАНТОВ	271
Анна Литвина и Федор Успенский “Я КИТАЕЦ – НИКТО МЕНЯ НЕ ПОНИМАЕТ...” О ГРАНИЦАХ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ В ПОЭТИКЕ ПОЗДНЕГО МАНДЕЛЬШТАМА	281
Нина Малыгина АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ВАСИЛИЙ ГРОССМАН: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ, ПЕРЕКЛАЧКИ В ТВОРЧЕСТВЕ	301
Павел Нерлер, Михаил Михеев и Сергей Василенко “Я ВАЮБИЛСЯ В ЕГО СТИХИ...”: А. ГЛАДКОВ – ОБ О. МАНДЕЛЬШТАМЕ	321
Лада Панова <i>ИТАЛЬЯНЯСЬ, ГЕРМАНЯСЬ, РУСЕЯ</i> : О ЛЮБОВНОЙ ЭПИТАФИИ МАНДЕЛЬШТАМА “ВОЗМОЖНА ЛИ ЖЕНЩИНЕ МЕРТВОЙ ХВАЛА?..”	351
Юрий Пастушенко “ПРЕВЫШЕ ПИРАМИД”: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ‘РЕКВИЕМЕ’ А. АХМАТОВОЙ	399
Алла Пеетерс-Подгаевская ЯЗЫК “ПАДОНКОВ”: ТРАДИЦИЯ В НОВИЗНЕ	407
Наталья Полтавцева АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ – НАШ СОВРЕМЕННИК. РАЗМЫШЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	433

CONTENTS

Piet Van Poucke	
ČECHOV IN NEDERLANDSE (HER)VERTALING: REFLECTIES OVER HET VEROUDERINGSPROCES VAN TONEELVERTALINGEN	453
Andrei Rogatchevski	
THE POETRY OF THE <i>LIMONKA</i> CIRCLE	473
Ellen Rutten	
“NO TRUER TRUTH”: SINCERITY RHETORIC IN SOVIET RUSSIA	491
Klaas A. D. Smelik	
DE OMSTREDEN ONTSTAANSGESCHIEDENIS VAN <i>DE PROTOCOLLEN VAN DE WIJZEN VAN ZION</i>	503
Jenny Stelleman	
ESSEN UND NATIONALITÄT IN SOROKINS <i>HOCHZEITSREISE</i>	519
Dieter Stern	
DER KIRCHENSLAVISCHE TAG DES ZORNS	537
Людмила Суровова	
А. ПЛАТОНОВ И П. РОМАНОВ: ВСТРЕЧА НА ПРОСТРАНСТВЕ ОДНОЙ ПАРОДИИ	571
Владислав Свительский [†]	
ЧАРЛИ ЧАПЛИН В СОЗНАНИИ А. ПЛАТОНОВА И О. МАНДЕЛЬШТАМА	587
Yves T’Sjoen en Els van Damme	
RICHARD MINNE EN DE RUSSEN. EEN DEELEDITIE MET LITERATUURKRITISCHE TEKSTEN	601
Emmanuel Waegemans	
DICHTERS OP DE BRES VOOR HET VADERLAND. DE EERSTE VERTALING VAN PUŠKIN IN HET NEDERLANDS: ‘AAN DE LASTERAARS VAN RUSLAND’	619

CONTENTS

Willem G. Weststeijn	
THE UTOPIAN EXPERIMENTALISM OF RY (REA) NIKONOVA	631
Aleksey Yudin	
ЛЕКСЕМА <i>ОБЩЕСТВЕННОСТЬ</i> В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	647
Надежда Жирова	
ЦАРСТВЕННОЕ СЛОВО И СВЯЩЕННЫЙ ГЛАГОЛ. О ЛОГОЦЕНТРИЗМЕ В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ	659
Александр Жолковский	
‘ЛЕТНИМ ДНЕМ’: ЭЗОПОВСКИЙ ШЕДЕВР ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА	683
Tabula Gratulatoria	711

“Я ВЛЮБИЛСЯ В ЕГО СТИХИ...”: А. ГЛАДКОВ – ОБ О. МАНДЕЛЬШТАМЕ

Павел Нерлер, Михаил Михеев и Сергей Василенко¹

Памяти Сергея Шумихина

1 Предисловие

“Я не признаю историю без подробностей...”
А. К. Гладков

В 2013-2014 гг. в литературный процесс “вернулся” Александр Константинович Гладков (далее А. Г.; 1912-1976). Впервые письма и выдержки из его дневника предстали перед читателем еще в начале 1980-х гг.² Следующий этап их изучения и обнародования связан с публикациями Сергея Шумихина,³ нынешний же – с Михаилом Михеевым и серией опубликованных им хронологических подборок из дневника А. Г. в российской периодике последних лет.⁴

Известный при жизни как успешный драматург и киносценарист (одна *Гусарская баллада* чего стоит!) и как тонкий мемуарист, Гладков как бы заново раскрылся еще с одной – и, как выясняется, с самой главной – своей стороны: как автор дневника, который, начиная с 16-летнего возраста, вел на протяжении 48 из отпущенных ему 64 лет, не исключая и 6 лет – с 1949 по 1954 гг. – в ГУЛАГе. Все это дало В. П. Коршуновой право назвать Александра Гладкова “протоколистом своего времени”.

Но не только в фундаментальном охвате времени ценность этого дневника и амбиция его автора. Похоже, что в какой-то момент Гладков осознал и оценил достоинство дневника как *жанра*. 1 мая 1938 года он не вдруг записал: “Лучшее в литературе – дневники покойного Ильфа. Т.е. отрывки из записных книжек”.⁵

Дневник Гладкова впечатляет еще и своей откровенностью. Очень часто рискованной для автора, если вспомнить времена его написания. В чем он отдавал себе полный отчет – раз спрашивал у самого себя в самый разгар Большого террора: “Зачем я все это слушаю и записываю? Наверно, по тому же психологическому закону, по которому тянет заглянуть в пропасть...”⁶

Имена Осипа Мандельштама (О. М.) и Надежды Мандельштам (Н. Я.) – нередкие гости на страницах дневника. Начиная с января 1960 года, Надежда Яковлевна – и вовсе один из самых заметных его персонажей.⁷

Они познакомились 15 января 1960 года – в день рождения О. М. – в заснеженной Тарусе, где Н. Я. провела почти два года между службами в Чебоксарах и Пскове. На это время пришлись и начало работы Н. Я. над *Воспоминаниями*, и их дружная, веселая помощь составителям *Тарусских страниц*, в которых оба – и Н. Я., и А. Г. – выступили и как авторы.

О прекрасном отношении и доверии Н. Я. к А. Г. масса свидетельств: тут и просьба помочь в столь деликатном деле, как дневник О. Вакселя, и явно согласованная с Н. Я. публикация Гладковым важного мандельштамовского текста,⁸ и факт дружеского дарения ему бесценных листочков из архива О. М. (нечто похожее известно только в отношении Шкловского, Пастернака, В. Борисова, Е. Левитина и Р. Пшибыльского).

Естественно, что отдельные фрагменты, связанные с Мандельштамами, уже попадали на страницы мандельштамоцентричных публикаций. Так, одна из работ С. Шумихина – это подборка выдержек из дневника и писем Н. Я. Мандельштам к А. К. Гладкову, посвященных Иосифу Бродскому и его “делу”.⁹

Однако имя О. М. возникает на страницах гладковского дневника еще задолго до знакомства со вдовой поэта – в ранние 1930-е годы.

Сами по себе дневниковые записи Гладкова – двух сортов. Первый – это свидетельства, собственные или с чужих слов. Бесспорно, главная запись такого рода – о единственной встрече с самим поэтом – на его читке в редакции *Литературки*: “Это не похоже на прежнего М-ма, которого я знаю: новая манера, свободная и иногда открыто сердечная (‘Ленинград’), стихи превосходны. Тут он уже не ‘неоклассик’”.

Весьма любопытно и свидетельство Д. Бродского об аресте О. М., сделанное буквально на следующее утро после ночного ареста (будь Бродский подсадной уткой, едва ли бы он стал рассказывать об этом, пусть и не называя себя).

Второй сорт записей – читательские впечатления от поэзии О. М. Из этих впечатлений, собственно, и выросли ‘Глоссы о Мандельштаме’ – отдельная и незаконченная работа Гладкова об О. М., представляющая собой собрание фрагментов и набросков о поэте. Трудно сказать, было ли это заготовками к написанию “классической” статьи или это принципиально фрагментарный текст, напоминающий в таком случае мандельштамовские заметки ‘Андрэ Шенье’. Скорее второе, если учесть самую последнюю из заметок (“Форма этой статьи – монтаж отрывочных кусков... Принцип фрагментарности позволит только обойтись без мостков и излишних коммуникаций, без связывающего матерьяла”).

‘Глоссы’ интересны еще и тем, что это попытка воспользоваться для их построения такой “кучей кирпичей” как дневник. В данном случае статьи об О. М. от Н. Я. он хорошо знал, что издание его стихов в “Библиотеке поэта” раз за разом разбивается о неподобающую, с точки зрения властей, вступительную статью – сначала А. Македонова, а потом Л. Гинзбург. До известной степени А. Г. попробовал вступить в необъявленное соревнование за эту честь, результатом чего и стали ‘Глоссы’ да еще понимание, как это все-таки трудно: написать предисловие к тому Мандельштаму – своего любимого поэта.

Некоторые наблюдения А. Г. чрезвычайно тонки. Например, о внеоценочной растворенности в читательской душе любимого поэта и его стихов, ведущей к тому, что весь его внутренний мир как-то меняется. Или о соучастии читателя-современника в биографии поэта, об их взаимосвязи и взаимозависимости. И о вечном огне у подножья памятника “неизвестному читателю”.

Или о Герцене как о корневище и Мандельштама-писателя, и Мандельштама-разночинца. А тезис о забегающем вперед времени (“Это предощущение и рождает стихи, забегающие вперед случившегося”), когда

стихи и проза из более или менее спокойного 1930 года семантически кажутся “родом” из 1937-го, а датировка написанного в 1933 году *Разговора о Данте* невольно перекладывается аж в 1960-е гг., настолько “из будущего” (для 1933 года) была уже одна его лексика.

Отсюда блистательный вывод о пророческой природе поэзии и сравнение поэта с “японскими рыбками”, умеющими задолго до землетрясения чувствовать катастрофу и предупреждать о ней. С таким пониманием ‘Четвертую прозу’ уже не выведешь из недоразумений вокруг *Тили Уленишпигеля*: “Реакция настолько громче события, его вызвавшего, что тут все кажется преувеличенным, чересчур чувствительным”.

Между прочим, забежал вперед и сам Гладков, когда вдруг обратил внимание на чрезвычайно интенсивные контакты О. М. и “власть предержащих”: в круг его общения входили Бухарин, Енукидзе, Гусев, Ломинадзе, Молотов, и среди доставшихся ему привилегий были и персональная пенсия, и договор на собрание сочинений, и квартира в одном из первых писательских кооперативов.

Иными словами, он как бы предвосхитил современный мандельштамоведческий дискурс о конформизме поэта как в жизни (по Максименкову, О. М. входил чуть ли не в писательскую номенклатуру!), так и в творчестве (М. Гаспаров и др.).

Многие гладковские тезисы вполне могли бы быть развернуты в основательные добротные исследования. Тем важнее ввести его “мандельштамиану” в соответствующий научный и читательский оборот.

Настоящую публикацию открывают ‘Глоссы о Мандельштаме’¹⁰ – и завершают не отразившиеся в них другие фрагменты из записных книжек и дневника А. Г. Таких фрагментов немного, они отрывочны и беглы, но, как всегда у А. Г., информативны и раскрывают историю в ее “подробностях”. Вслед за записями 1930-х гг. идут записи и 1960-х гг., персонажем которых можно считать самого О. Э. постольку, поскольку речь идет о его творчестве.

Важно пояснить “двухэтажность” дневникового наследия Гладкова. Изо дня в день (с отступлениями, разумеется) он вел текущие бегло-рукописные

(и очень плохо читаемые!) записи о событиях дня – от глобально-политических до сугубо интимных: такие тексты М. Михеев условно называет “записными книжками”. Спустя какое-то время А. Г. перечитывал их, садился за *Эрику*, но не перепечатывал один к одному, а делал своего рода дайджесты, привнося в них естественные изменения (сокращения, переформулировки, кодирование части имен и т.п.): такие тексты М. Михеев называет – также с долей условности – дневниками. В тематическом случае Мандельштама к этим двум “этажам” добавился третий – ‘Глоссы’, в которые попадают не только специально и заново для них написанные фрагменты, но и отбираются уже готовые куски или заготовки из “дневников” (тоже, разумеется, не все, где упомянут О. М.). Таким образом в ‘Глоссах’ мы имеем дело с некоторыми фрагментами, имеющими две или даже три редакции!

Непростая, согласитесь, задачка для публикаторов. В большинстве случаев выбирался более поздний вариант, но иногда – более полный.

В то же время в ‘Глоссы’ попало несколько записей с сохранением их первоначальных дат и практически без текстуальных изменений. Их мы как бы вернули в дневник, выделив в отдельный подраздел, который был дополнен другими дневниковыми записями, не попавшими в ‘Глоссы’. Из этой комбинации сложилась вторая часть настоящей публикации.

Гладков обычно не ставил дефисов перед частицами. Здесь и далее это исправляется без оговорок, как и другие систематические “описки” автора (например, “реабелитация” вместо “реабилитация”). То же и с пунктуацией, без оговорок приводимой к современной норме. Вместе с тем оборот “самоиздат”, явно не устоявшийся ко времени его применения Гладковым, сохраняется в авторской версии.

Павел Нерлер

2 Глоссы о Мандельштаме¹¹

Я влюбился в его стихи в возрасте, когда еще не мог их вполне оценить. На каком-то книжном базаре, среди удешевленных книг был куплен *Камень* и не то чтобы был прочтен, поразил и сразил, но листался, читался

и постепенно растворился во мне настолько, что многие стихотворения из этого сборника (госиздатовское переиздание) я и теперь перечитываю со странным чувством, вернее не читаю, а вспоминаю, словно не то сам их написал когда-то, не то с ними родился. Сражали и поражали другие (в том числе и недостойные), а Мандельштам как-то исчезал во мне, растворялся. Вот его уже будто нет, стихи ушли, а только мир стал другим: солонее, или слаще.

В середине двадцатых годов в развалах уцененных книг в большом количестве лежали гизовский *Камень* Мандельштама¹² и гизовские *Версты* Цветаевой. Сейчас мне не верят, когда я рассказываю об этом, как и тому, что *Великодушный рогоносец* у Мейерхольда¹³ почти не делал сборов и всегда шел при полупустом зале. Новые книжки стихов Жарова и Уткина¹⁴ расхватывались, а *Камень* и *Версты* лежали. Я это отлично помню. В Художественный театр попасть было трудно, а в ГОСТИМ¹⁵ и Камерный¹⁶ легко. Пустовал и Госет,¹⁷ хотя в нэповской Москве евреев было достаточно. У меня тут нет места это анализировать: ограничусь свидетельствованием. Так было.

Мы ленивы и нелюбопытны. Живя в одном городе с Мандельштамом, я читал и перечитывал его стихи, ездил куда-то к черту на рога за город, в Тарасовку, если мне сулили дать неизвестные, ненапечатанные его строки, жадно вычитывал все, что попадалось о нем в литературных мемуарах ([Б]. Лившиц, В. Пяст, В. Шкловский) и только один раз слышал, как он сам читает свои стихи (в ноябре 1932 года в редакции *Литературной газеты*), несколько раз случайно встречал его на Тверском и Гоголевском бульварах. А между тем, как это выяснилось впоследствии, я довольно легко мог с ним познакомиться. Были общие друзья (Нина Антоновна Ольшевская,¹⁸ В. Н. Яхонтов¹⁹ и другие). Но я об этом не догадывался. Почему-то с ними о нем никогда не заходил разговор.

Вспоминаю одну встречу с Яхонтовым, недалеко от Нащокинского переулка и Сивцева Вражка, где жил тогда Мандельштам.²⁰ Постояли, поговорили о пустяках и разошлись, и вернувшись домой – я тоже жил

почти рядом²¹ – я погрузился в книжку Мандельштама *О поэзии*, которую знал наизусть и каждое слово в которой для меня было весомо и ценно. А может быть, Яхонтов тогда шел от него или к нему? Как же я не почувствовал рядом присутствия любимого поэта? Буквально рядом. В двух шагах. За первым углом. Вон за тем табачным киоском, пройдя молочную...

Поэтический талант – это прежде всего способ воспринимать и уже вторых – способ выражать. Недаром, говоря об одаренности музыкантов, сначала говорят о слухе и лишь потом о длине пальцев. Конечно, случай гениальности это расчленение перечеркивает, но все равно это в принципе остается верным.

Это меньше всего мемуары.

Я видел Мандельштама несколько раз в жизни, однажды слушал, как он читает стихи, и ни разу с ним не разговаривал.

Это заметки читателя, читателя-современника.

Но это также и мемуары, ибо я тоже лицо биографии поэта, а читатель поэта, может быть, самое главное действующее лицо его биографии.

Ценитель – русский читатель стихов – существо особенное. Он одновременно и переписчик, и распространитель, и пропагандист. Трудно представить молодых любителей поэзии с Монпарнаса и Монмартра, переписывающих Бодлера и Верлена.

Мандельштам говорил, что нигде так не уважают стихи, как в России, где за них могут даже расстрелять.²² Он считал это высшей честью для поэзии.

Заметки эти делались годами, исподволь, попутно чтению и перечитыванию его стихов, рассказам и воспоминаниям о нем.

Не мемуары, не исследование: всего лишь слабый отблеск немеркнувшего света стихов Мандельштама, отзвук им сказанного.

Является ли армейский поручик, переписавший при свечке полученный на ночь рукописный экземпляр *Горе от ума*, действующим лицом

биографии Грибоедова? Несомненно. В каком-то смысле даже более важным, чем его бытовые приятели, хотя бы тот же Булгарин. Ведь прижизненная слава Грибоедова – это десятки и сотни этих рукописных экземпляров – самоиздат начала 19-го века, и их существование куда более важно, чем его служебный формуляр в министерстве иностранных дел.

Но тогда и я тоже соучастник биографии Мандельштама, уже по одному тому, что я современник и человек эпохи Москвошвее, и на мне тоже всю жизнь топорщился пиджак, и я был его читателем и переписывал мятые списки его стихов, выпрашивал их и сам давал читать, или, говоря языком уголовного кодекса, “хранил и распространял” все то, что завтра будет издаваться в синих переплетах и что неприлично не иметь в библиотеках всей столичной шушере, всем бегающим на просмотры в Дом Кино и на концерты приезжих шансонье. Представляю это кудахтанье: – Вы достали Мандельштама? Я достал Мандельштама!..

Было испытание неизвестностью, было испытание опасностью – будет испытание модой. Но стихи переживут и это.

Я пишу эти заметки с позиции современника и соучастника биографии поэта, с позиции того самого “неизвестного читателя”, которому, право, давно уже пора в нашей стране поставить памятник и возжечь у его основания огонь.

Стихи обычно сравнивают со стихами же. Это напоминает котенка, играющего с собственным хвостом. Мандельштам выводил генеалогию Ахматовой из большого русского психологического романа. Наблюдение тонкое и, что важнее, точное. Если поискать такого рода сравнение для его стихов, то первым приходит на ум Герцен.²³ Ни у кого другого нет такой способности к сверкающим ассоциативным столкновениям, такого чувственно-весомо-грубо-зримого ощущения духовной культуры, такого живого, пульсирующего здоровой, разночинской кровью историзма.

Если бы *Разговор о Данте* пришел к нам анонимным и мы не знали бы даты его написания, то исторический анализ текста привел бы его к датировке нашими нынешними годами: в нем много “модной”

терминологии 60-х годов – “кванты”, “световые волны” и пр. И весь уровень разговора современный. Будь он опубликован тогда, когда написан, он бы не был понят. И это еще лучший случай того, что с ним могло случиться.

Увлечение Мандельштамом среди поэтической молодежи сейчас очень велико. Это обещает хороший урожай, если не стихов, то умов, потому что лучшей школы я не представляю. Это урок поэзии, а не поэтической поэзы. Но чем объясняется это тяготение к нему? Конечно отчасти и тем, что он жертва Сталина, что он до сих пор не переиздан и является полузапретным плодом. Но дело все же конечно не в этом. Наш век – век разоблачения дуализма. Единство внешнего и внутреннего, духовность материи и материальность мысли, век абстракций, рождающих тепло и свет, век формул, читаемых как стихи и стиховых конструкций, ставших формулами невятного и таинственного душевного мира. Мудрено ли, что поэзия Мандельштама, уравнивавшая догадку о сложном психологическом движении и итог огромного исторического опыта (“он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет”), говорящая об исторических массивах времени, как говорят о семье соседа (“бездетная Византия” в *Разговоре о Данте* – два слова, которые стоят тома исследования!), поэзия сочетавшая простоту бытовой обиходности с высотой морального или философского суждения, поэзия до предела насыщенная содержанием и совершенно лишенная общих мест – слабость всякого подражательного или инерц[ионного] стихотворчества, – поэзия уравнивавшая в правах мелодику русской стиховой музыки, не нуждающаяся в формальных украшениях и щегольстве кажущейся новизной, способная говорить о проблемах XX века на языке Боратынского и Батюшкова (ведь с какой-то исторической точки, которая впереди нас, начала XIX и XX веков – такие же соседи, как XII и XIII века, с нашего пригорка), – эта пленительная поэзия, полная музыки и мысли, искусившись которой не захочется вернуться к романсам и одам, – она прижилась в середине нашего XX века, как потерянная и найденная дочь, а не как падчерица. Это не поэзия

ума, но это умная поэзия. После наводнения всякими приблизительностями поэзия эта сделала своим правилом точность мысли, а точность всегда кратка, а стало быть и емка, не нуждается в околичностях и ненавязчиво-свободна, она – спасительный отдых от утомительной пустоты, напряженной бессодержательности всего мнимопоэтического.

В дни ташкентского землетрясения появился рассказ об японских рыбках, которые за несколько дней или часов – не помню – предчувствовали катастрофу и начинали метаться в аквариумах. Настоящий поэт – тоже японская рыбка. Невозможно правильно понять ‘Четвертую прозу’ Мандельштама, объясняя ее биографическими фактами, связанными с обработкой перевода *Тили Уленингеля* и фельетоном Заславского. Реакция настолько громче события, его вызвавшего, что тут все кажется преувеличенным, чересчур чувствительным.

У кого из литераторов не случалось подобного: в плагиате обвиняли и Тургенева и Толстого. Но если соотнести накал и пафос обобщений ‘Четвертой прозы’ со всей дальнейшей судьбой поэта, то она не покажется ни чрезмерной, ни преувеличенной. Задолго до землетрясения поэт его предчувствовал и предрек. И не только ‘Четвертая проза’ такова. Тема изгнания, бездомности, обреченности появилась в стихах Мандельштама гораздо раньше, чем это все с ним случилось. Можно сказать, что все происшедшее с ним он сам накликал. Но что такое “накликать” на языке философии и истории?

Когда еще в сороковых годах мне впервые попался более-менее полный список стихотворений Мандельштама тридцатых годов без дат написания и я стал произвольно проставлять возможные даты, учитывая известные мне очертания биографии поэта, то помню, например, что стихотворение “Мы с тобой на кухне посидим” я отнес к 1937 году, а написано оно было, как оказалось, в 1930 или 1931 году. И здесь то же самое – стихи забегают за факты биографии. Это не свойство одного Мандельштама, а присуще всякой истинной поэзии, но для

Мандельштам оно характерно в особенной степени, потому что он был больше поэт, чем кто-либо другой.

Впрочем, в ‘Тамлете’ Пастернака, написанном в 1945 году, т.е. за 12 лет до скандала с Нобелевской премией, тоже содержится подобное роковое пророчество. Причинная связь в судьбе поэта находится в более сложном отношении к прошлому и будущему, чем в обычной жизни.

Предошущение должного совершиться предвдвряет биографический факт как таковой. Это предошущение и рождает стихи, забегающие вперед случившегося. Поэт живет вслед за своими стихами – его настоящая жизнь в них и через них. Подлинный поэт пишет стихи о 1-ом мая в ноябре и стихи о своем памятнике за полвека до того, как этот памятник поставлен. У Лермонтова есть выражение “пророческая тоска”, т.е. тоска предвиденья, предчувствия, предошущенья, обгоняющих реальную жизнь поэта, как свет обгоняет время в современной философской утопистике.

Поэт – тот фольклорный дурень, который пляшет на похоронах и плачет на свадьбе” (из записи в сухумском дневнике Мандельштама).²⁴

А если, освободясь от гипноза страстной, умной, горькой диалектики книги Н. Я., от поразительной правды общей картины времени, нарисованной ей, попробовать независимо от ее точки зрения взвесить только *факты* судьбы Мандельштама до его последнего ареста, то неожиданно выясняется, что, пожалуй, никто из беспартийных писателей, не бывших “десятелями”, не имел таких многочисленных контактов с членами правительства, людьми власти. Долгое и неплатоническое покровительство Бухарина. Персональная пенсия еще в молодые годы. Помощь Енукидзе, Кирова, Гусева, Ломинадзе, Молотова. Их толчки в издательских делах, в устройстве командировок, пребывания в высокопоставленных санаториях. Квартиру он получил среди первых в среде писателей: до этого жил во флигеле Дома Герцена, где жили и Фадеев, Тренев, Павленко. Пастернак получил отдельную квартиру позже. У него был договор на собрание сочинений, за которое он успел получить 60%. Первый приговор был мягчайшим, учтя содеянное. В

конflikте с Горнфельдом был виноват скорее всего он сам. Откуда же это постоянно ощущение отщепенства и травли?²⁵

К рассказам современников о поэте... Его называли безвольным, но то, что в нем казалось нерешительностью или вялой уклончивостью, было некоей военной хитростью, тем маневром, которым полководец расчетливо, экономя свои войска, сосредотачивает в главном участке фронта основные силы. Когда он сочинял стихи, он был решительным и точным: тут не было места отступлению перед сомнениями. Он выбирал нужное слово, рифму точно и властно, а для этого надо куда больше воли, чем для всех тех пустяков, которые заполняют остаток суток, когда не пишутся стихи, которые почему-то называют настоящей жизнью. И только в той, ненастоящей, остаточной жизни он считался ленивым чудаком, бесхарактерным и лукавым. Он знал, как о нем все думают, и оставался к этому равнодушным: ведь он-то понимал, что все ошибаются...

И у Мандельштама, и у Пастернака можно увидеть попытки найти формулу принятия действительности: они были искренни, так как положение “отщепенца в народной среде” их конечно не привлекало, но неудачны, потому что это могло быть достигнуто только ценой отказа от себя, от своего внутреннего мира: цена за внутреннюю гармонию была для них слишком высока.

Попытка Мандельштама в 1937-м году написать ‘Оду’ и написание Пастернаком *Доктора Живаго* – эти два таких противоположных творческих финала двух жизней – оба противоречат жизненной установке обоих поэтов. Тот, кто все время искал примирения – взбунтовался: другой, непримиримый – попытался капитулировать. Но уже было слишком поздно. Все было поздно. Не поздно было только умереть.

Поэтическое развитие Мандельштама необычно: точнее – оно противоположно обычному. Чаще всего поэт начинает с личностных стихов от имени повышенно звучащего “я” и обычно это “я” бывает противопоставлено миру. Потом “я” делается все меньше и меньше – то

ли “мир” превратился в его “я”, то ли “я” стало “миром”. Иное у Мандельштама – наиболее личностной, индивидуальной, субъективной его поэзия стала при ее последней и ярчайшей вспышке ... – в *Воронежских тетрадах*. Это последний акт трагедии, названный *Смерть поэта*. Но смерть ли это? “Смертию смерть поправ” – эта строка из гимна воскресенья здесь более уместна. И в самом деле – смерть поэта это и есть его бессмертие.

Из разговора с Н. Я. Мандельштам (декабрь 1960 г. Таруса)

Я: – Н. Я., вот я очень люблю одно из тончайших лирических стихотворений Мандельштама “Сестры нежность и тяжесть одинаковы ваши приметы”. Я хотел бы, чтобы Вы рассказали мне об их биографическом контексте...

Н. Я.: – Очень просто. Ося уехал от меня из Крыма и где-то таскался по бабам...

Я готов ко всему... – сказал И. Г. Э[ренбург] Надежде Яковлевне, прощаясь с ней в передней в феврале 1953 года (в дни “дела врачей”).

Б. Л. П[астернак] сказал Н. Я. о мандельштамовских стихах о Сталине, к которым сразу отнесся враждебно: – Как он мог написать это – ведь он еврей... Н. Я. предложила Б. Л. прослушать их во второй раз, но Б. Л. решительно отказался.

И. Г. Э[ренбург] советовал Надежде Яковлевне, когда она добивалась реабилитации Мандельштама, отрицать авторство этих стихов и объяснить признание самого М-ма нажимом следователя. Мол, и не такое признавали... Характерный совет.

Любопытный разговор с Н. Я. М. Начался он с воспоминаний о молодом Эренбурге. Васю Чекрыгина²⁶ тошнило от поверхностной журналистской природы Эренбурга, а Илья не мог вынести этого углубленного в себя, странного и действительно духовного “головастика: он ему не импонировал, как в чем-то и Ося”. “В Эренбурге сидел все-таки еврейский

дурачок, которому втайне нравились “победители” или тупая рослая порода вроде Алексея Толстого. Я это поняла позже, читая мемуары Э-га и думая о том, почему ему нужно, чтобы Мандельштам был маленького роста, хилым и чудаковатым “головастиком”. По словам Н. Я., “напряженно духовная интеллектуальная порода людей вроде Чекрыгина и Осипа чем-то отпугивала Эренбурга. Для него это было гетто, мыслители-раввины, слабость, отказ от победы и племени “победителей”, к которому он тянулся”. Эренбург по ее словам чувствовал время “потому что впереди нас поджидало почти столетие этих самых “победителей” и немецких и русских. Он никогда не пони[м]ал, что эти молодцы самые отъявленные трусы. Они покрываются розовым потом и храбрятся только в присутствии начальства и под его прямым покровительством. Это им нужно сильное государство, чтобы под его сенью без риска проявлять мужественность”. Я оппонирую, хотя она во многом права. (Февраль 1965 г. Таруса).²⁷

С. Бонди, величайший знаток творческого процесса у Пушкина, в своей замечательной книге *Черновики Пушкина* пишет, что у Пушкина сочинение все было связано с писанием, с бумагой, т.е. что он сочинял преимущественно с пером в руке. Отсюда такое большое число помарок. Письменный человек был и Пастернак: он тоже сочинял, записывая. Маяковский в *Как делать стихи* и Мандельштам (судя по свидетельству вдовы поэта) наоборот, сочиняли в ходьбе, в голове, и записывали уже почти готовое, а Мандельштам даже часто и не сам записывал, а диктовал Надежде Яковлевне. Судя по стихам Цветаевой о ее рабочем столе, она тоже была “письменным человеком”, хотя, казалось бы, стих ее ближе к импровизационной манере Маяковского. Какие из этого следует сделать выводы? Можно над этим подумать, но ясно, что это не мо[же]т быть выводом о преимуществе одного метода над другим. Это очень субъективно. С одной стороны, Пушкин и Пастернак, с другой – Маяковский и Мандельштам... но все-таки, вероятно, какая-то закономерность здесь (психологическая) есть. Узнать об этом важнее, чем

сосчитать все шипящие в стихах Пушкина или синтаксические фигуры у Пастернака, но гораздо труднее. Догадавшись об этом, мы будем больше знать о самих поэтах. Но к этой догадке так называемая “наука” приблизить вряд ли сможет, или вернее сможет та часть научного творческого процесса, которая связана с интуицией.

В разговоре [А. Г. с Н. Я.] 4 ноября 65 г., записано 14 ноября:

Н. Я. М. о Пастернаке: ...долго считал себя неудачником, никак не определявшимся в жизни – ни музыка, ни наука. Не было уверенности и в стихах. Внутренне завидовал ловким, речистым, стеснялся своей мямлящей и захлебывающей[ся], многословной речи, пока не научился тому, что ее можно играть и что в ней есть обаяние: – но все равно не любил походить на себя в этом у сына Жени. Огромное долго неутоляемое тщеславие, которое ум и хорошее воспитание умели искусно прятать и которое вырвалось только в самые последние годы. Сложный счет с Маяковским и борьба за самостоятельность от него, так много определившая в жизни.

Если здесь и есть преувеличение, то есть и доля правды. Н. Я. относится к нему со скрыто скрываемым недружелюбием, которое все же сквозит. Его происхождение понятно: не может быть никакого счета с процветающими в те тяжелые времена людьми, но трудно забыть встречи приезжавшей из Воронежа нищей и затравленной Н. Я. от больного опального О. Э. с его гениальными стихами в благополучную (так казалось) квартиру Б. Л. Он щедро, слишком щедро хвалил стихи и иногда давал какие-то деньги. Накапливалось что-то темное, подогреваемое бестактностью З. Н., и даже блестящий ум Н. Я. не может тут ничего изменить. Конечно, травля в дни Нобелевской премии очистила многое, но не все, и снова это начало усиливаться от сравнительно быстрой и легкой посмертной реабилитации Б. Л. и сравнения с ней трудностей посмертной литературной судьбы Мандельштама. Подаренное ею мне письмо к сыну Б. Л. Жене, написанное сразу после смерти Пастернака,²⁸ – благородная попытка

быть справедливой над гробом, но где-то внутри надолго этого не хватило. Можно ли ее за это упрекать? Источники ее сложного отношения к Б. А так понятны и человечны, что, если разбираться до конца, в нем многое делает ей честь: есть нечто и выше справедливости – в конце концов, это та же верность О. Э. А любовь и верность выше справедливости...²⁹

Вдова Осипа Эмильевича Мандельштама живет в Тарусе на горе в маленьком трехконном домике. Перед домом два больших клена, засыпавших красными и желтыми листьями улицу. Надежда Яковлевна занимает три комнаты (а хозяйка одну).

Я спросил у Ариадны Сергеевны Эфрон – дочери Марины Цветаевой – зачем одинокой старухе три комнаты?

– Потому что у нее всю жизнь не было ни одной...

Пишущая машинка, радиоприемник, три десятка книг, из которых большая часть словари (она по образованию и специальности языковед), на стенах несколько пейзажей и натюрмортов Фалька и глиняных узбекских блюд с ярким орнаментом. На кровати лежит шотландский плед. Я смотрю на него и вспоминаю:

“Есть у нас паутина шотландского старого пледа,

Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...”

Но поэт не был укрыт старым пледом. Он умер в холодном бараке пересыльного лагеря на Черной Речке вблизи Владивостока, в конце 1938 года, после пятилетних скитаний в ссылках и тюрьмах. Я читал его письма к жене из нищей и тревожной воронежской ссылки и последнее, единственное письмо из лагеря на Черной Речке.³⁰ Каким невероятным счастьем показались бы ему эти маленькие комнатки в трехконном тарусском домике.

Здесь у вдовы хранится литературное наследие поэта, береженное чудом. Оно довольно велико. Это приблизительно полторы сотни законченных и отделанных лирических стихотворений небывалой силы и свежести – по крайней мере, три полноценных стихотворных книги. Да

еще черновик почти законченной книги о Данте, да несколько отрывков ненапечатанной прозы, да неполное собрание эпиграмм, экспромтов и пародий, да 80 писем – горькая летопись великой и жалкой жизни.

Часть из ненапечатанных стихотворений известна любителям. Они уже давно бродят по Москве в неточных списках. Бегло просматриваю архив. Больше трети стихотворений мне совершенно неизвестно, а ведь я собирал Мандельштама годами.

Мое внимание снова приковывает плед. Спрашиваю о нем.

Нет, это конечно не тот. Но и *тот* сохранился. Он теперь уже даже не паутинка, а тень паутинки. Он лежит в чемодане и бережно хранится. Почти четверть века скитаний, бездомности, бесприютности, нищеты, но сохранен драгоценный архив поэта и, воспетый им, старый плед.

Есть кое-какие издательские надежды. В план “Библиотеки поэта” на будущий 1961 год включен том *Избранного* Мандельштама. Но кто знает, когда это осуществится? В выпущенном несколько лет назад томе Мандельштама в Нью-Йорке помещено только одно неизвестное ранее стихотворение поэта. Одно из полутора сотен!

Ухожу. Черная осенняя ночь. Ноги вязнут в размокшей земле. Звякнуло кольцо запора калитки.

Ярко светятся три окна маленького домика.

С Оки доносится свежее дыхание ветра. Теплый, влажный воздух. Уже издалека, оглядываюсь снова. Весело светят три маленьких окна.

За ними, за легкими занавесками бродит по трем комнаткам старая женщина, бывшая 18 лет возлюбленной, женой, подругой и товарищем великого поэта и четверть века прятавшая его архив. В письмах он называл ее “Надик” и из ссылки утешал и подбадривал ее, “нищенку-подругу”, как назвал ее в одном из немногих грустных стихотворений. Сколько испытаний бедностью, преследованиями и страхом! Сколько облитых слезами подушек, бессонных ночей, унижительных ожиданий в казенных приемных!..

(Таруса, 26 сентября 1960 г.)

Форма этой статьи – монтаж отрывочных кусков с анализом и комментарием с отрывками из дневников старых лет и позднейших записей.

Фрагментарность как композиционный принцип. Но, разумеется, все должно быть выстроено точно и расчетливо. Принцип фрагментарности позволит только обойтись без мостков и излишних коммуникаций, без связывающего матерьяла.³¹

Публикация и комментарии М. Михеева

3 Из дневника А. К. Гладкова (1932-1936 и 1960-1966 гг.)

11 ноября 1932 года³²

Вчера встретил на Тверском бульваре Юзовского,³³ и он позвал меня в редакцию *Литер[атурной] газеты* на чтение Осипом Мандельштамом своих новых стихов. В самой большой комнате редакции собралось несколько десятков человек. Из знакомых: Е. Троценко,³⁴ Брик³⁵ и еще кое-кто. Мандельштам одновременно величественен и забавен, горделив и уязвим, спокоен и беззащитен – истинный поэт. Когда он читал в странной, тоже чисто “поэтической” манере, противоположной “актерской”, хотя в чем-то более “театральной”, у меня почему-то сжималось сердце. Я знаю чуть ли не на зубок все напечатанное, но новое непохоже на прежнее. Это не “акмеистический” и не “неоклассический” Мандельштам – это новая, свободная манера, открыто сердечная (как в поразительных стихах о Ленинграде)³⁶ или тоже по-новому – “высокая”, как в лучшем из прочитанного “Себя губя, себе противореча”.

Обсуждение с легкими словами о простоте. Банальности Селивановского.³⁷ Лучше всех говорили Шкловский и Мирский.³⁸

Мирского я увидел впервые – он любопытен: бывший князь с исторической фамилией (“Святополк-Мирский”), эмигрант, эстет и член английской компартии. Крученных³⁹ почему-то заставлял всех расписываться в какой-то засаленной общей тетради. Он сам плел срунду.

17 мая 1934 года⁴⁰

[...] Утром пришел Леонид Лавров⁴¹ и передал слух, что на днях арестован О. Мандельштам. Ему об этом сказал переводчик Давид Бродский,⁴² который слышал от верных людей. Мандельштам жил где-то недалеко от меня, и я иногда встречал его на Пречистенском или Никитском бульварах: старый мудрый еврей с палкой. По Москве много ходило его ненапечатанных стихов, но особенной крамолы я среди них не находил...

[...] Леня Лавров часто странен. [...] иногда он несет бог знает что, но если начнешь с ним спорить, сразу поддакивает. Как-то он мне читал наизусть ненапечатанные стихи Мандельштама, а сегодня, когда я попросил его прочесть, вдруг отрекся и сказал, что он их вообще не знает...

9 июля 1934 года⁴³

[...] По Москве бродят волшеббно-прекрасные стихи Марины Цветаевой ‘Мой стол’ и ‘На смерть Волошина’. А недавно Д. Бродский читал мне и Лаврову стихи Мандельштама на смерть А. Белого. Да, есть еще стихи в этом мире! Бродский – грузнеющий, неопрятный сплетник, но страстно любит стихи, бессчетное число знает наизусть и переводчик Рембо. О судьбе Мандельштама ничего не известно.

6 марта 1935 года⁴⁴

[...] Слышал, что Мандельштам находится в ссылке в Воронеже. Радунская⁴⁵ читала мне его новые стихи. Они замечательны, но ничего “политического” в них нет...

20 февраля 1936 года⁴⁶

[...] Утром ходил с Досей смотреть комнату сосланного поэта О. Мандельштама в районе Пречистенского бульвара...

(Примечание [А. Г.] 1963 года. Эта запись связана со странным, не разгаданным мною и поныне эпизодом. Блестящая книга! “Дося” – Доротея Мироновна Каминская-Копп, жившая в Спасо-Глинищевском

переулке, моя товарка по Студии Хмелева,⁴⁷ потом педагог и режиссер. Я жил тогда в Мало-Афанасьевском переулке, снимал каморку и очень хотел найти более удобную комнату. Мне предлагали разные “варианты” и я ходил смотреть. Ту комнату (Мандельштама) я не снял, кто мне ее показывал и как все это было, не помню совершенно. Вскоре переехал на Мясницкую в дом, где жили многие художники и поэты (Татлин, Крученых, Левин и др.), во дворе б[ывшего] Вхутемаса,⁴⁸ и напрочь забыл эту историю, и был более чем удивлен, когда мне ее напомнил в конце 1948 года во внутренней тюрьме на Лубянке мой следователь Раппопорт⁴⁹ и стал меня “со значением” допрашивать по поводу того, что сосланный Мандельштам оставил мне свою комнату. Мне конечно не стоило большого труда доказать, где именно я жил в 1934-36 гг., но меня мучало, откуда Раппопорт мог узнать о том, что кто-то мне эту комнату предлагал. Мой дневник тех лет у него в руках не был. Я об этом крепко позабыл, а где-то в анналах НКВД это было зарегистрировано. Видимо, кто-то из знавших о предложении о снятии комнаты М. или из участников этой затеи был информатором. Весной 1949 года (или в конце зимы) меня снова расспрашивали на следствии о найденном у меня списке стихов Мандельштама, но среди них не было ни ‘Волка’, ни ‘Квартиры’, и следователь Раппопорт пытался зачем-то добиться моего признания о том, что среди стихов М-ма о Кавказе есть “антисоветские”, но их сложность делала недоказуемой любую попытку расшифровать эти стихи на языке полицейского протокола. На этот допрос вдруг пришел маленький, элегантно одетый человек в штатском, в перчатках и черной шляпе, при появлении которого следователь встал и стоял, пока тот, усевшись, не пригласил его сесть. Он тоже задал мне два-три вопроса о том, как ко мне попал этот список (я этого не помнил и это была не уловка, а правда – не помню и теперь). Что-то они хотели тут выжать из меня: не знаю – к чему – Мандельштам уже давно погиб. Но характерно, что в самом конце сороковых годов им еще интересовались на Лубянке).

“Я ВЛЮБИЛСЯ В ЕГО СТИХИ...”

3 августа 1936 года⁵⁰

После репетиции *Бориса Годунова* провожаю Всеволода Эмильевича [Мейерхольда] в “Континенталь” и говорю ему о том, как близко то, что он говорил сегодня о Пушкине, высказываниям Мандельштама в его книжке *О поэзии*. Я <не> захватил ее с собой. Он просит меня ее принести.

5 августа 1936 года⁵¹

В. Э. говорит мне, что не выспался: “читал вашего Мандельштама”, что многое замечательно. Спрашивает меня о его судьбе. Он помнит его по “Бродячей собаке” и встречаю у Пронина.⁵² Сказал, что на днях в Киеве арестован Юрий Саблин, комдив: тот знаменитый Саблин, который был левым эсером, участвовал в мятеже 18-го года, племянник антрепренера Корша, сын издателя.⁵³

3 марта 1937 года⁵⁴

Снова читаю *О поэзии* Мандельштама. Блестящая книга! По слухам, Мандельштам в ссылке в Воронеже и пишет прекрасные стихи...

28 апреля 1937 года⁵⁵

[...] Рассказывают, что закончился срок ссылки и у Мандельштама.

24 мая 1937 года⁵⁶

Ночью встреча в ресторане “Аврора” (на Петровских линиях) с совершенно пьяным Олешей и Мирским. Мирского бранят сейчас на всех собраниях за то, что он где-то критически отозвался о романе Фадеева *Последний из Удэге*. На общепринятом жаргоне этого года это звучит так: “Мирский пытался выбросить Фадеева из советской литературы”. А дело в том, что в начале тридцатых годов, только что переехав из-за границы Мирский печатался в альманахе *Год шестнадцатый*, которым заправлял тогда Авербах и, следовательно, он автоматически производится в члены “авербаховской банды”. Недавно Вишневский⁵⁷ публично назвал его

“грязным врангелевцем”. В атмосфере этой весны такие эпитеты звучат зловеще. Я шапочно знаком с Олешей и он зовет меня к их столику. Сижу с ними минут пятнадцать. Истерическая бравада Мирского. Он читает: “Я скажу тебе с последней прямокой” Мандельштама. Олеша острит над папанинцами.⁵⁸ За столиком явно наблюдают. Я тихо говорю об этом Ю. К. он начинает громко кричать: “Где? Покажите мне Видока?” Мирского он зовет “мон принц”. Ухожу от них к Арбузову и Плуческу...⁵⁹

(Вскоре Мирский был арестован. Он ехал на Колыму в одном вагоне с моим братом и Валею Португаловым⁶⁰ в начале осени 1937 года, был с ними на пересылке в лагере на Черной Речке⁶¹ (где год спустя погиб О. Э. Мандельштам). Там же с ними был В. Нарбут⁶² он жил с ними в одной палатке и в начале зимы в Магадане, пока их не развели по этапам. Он очень скоро умер. (Примечание [А. Г.] 1963 года)

11 июня 1938 года⁶³

[...] Где-то в провинции арестован сосланный Мандельштам.

15 декабря 1939 года⁶⁴

Вечером у меня Иван Пулькин.⁶⁵ [...] Он слышал, что Мандельштам не умер, как об этом говорили, а жив.

26 апреля 1958 года⁶⁶

[...] Купил случайно в букин[истическом] магазине на Арбате сборник стихотворений О. Мандельштама (самый полный. 1928 г.) за... 10 рублей!!!... А я не дума[я] дал бы за него в пять-шесть раз больше. Полгода назад я видел в другом магазине его же *Камень* (т.е. – треть этой книги) в потрепанном виде, стоявший 50 р. (у меня он есть).

16 января 1960 года

[...] Знакомство с вдовой Мандельштама и ее рассказы. Его стихи. [...]

25 сентября 1960 года

Ночью читаю ненапечатанное Мандельштама. Хотя я раньше и знал многое, но оказывается, не всё. Замечательно.

28 сентября 1960 года

Не могу оторваться от Мандельштама, хотя это и гибель для сценария. [...]

29 сентября 1960 года

[...] Всё свободное время – Мандельштам. Он значителен и огромен. Большую часть я знал раньше, но теперь в этом реальном бытовом и историческом контексте, который представляют из себя воспоминания Ахматовой и Н. Я., все еще вырастает.

10 октября 1960 года⁶⁷

Вчера прочел ненапечатанную ‘4-ую прозу’ Манд-ма, полное *Путешествие в Армению* и ряд старых статей, большей частью ненапечатанных, и отрывки из записн[ой] книжки. В статьях есть масса блестящих мыслей и прекрасных формулировок, а ‘4-ая проза’, представляющая собой ряд отрывков, связанных с эпизодом травли М-ма в связи с историей о переводе *Уленипигеля*,⁶⁸ но содержащая такой каскад гнева, презрения, обобщений и образов герценовского размаха, что естественно было отнести это по эмоциональному масштабу к его позднейшим несчастьям. Написано это блестяще, крайне субъективно и остро, но для незнающих бытовой и политический контекст вероятно темно... Я, относя это вчера Н. Я., сказал ей, что как удивительно, что в этом отрывке (15 стр. на машинке) О. Э. как бы предсказал или вернее предвосхитил свой будущий счет со временем и литературой, на что она тонко сказала: “Мне кажется, поэт не угадывает свое будущее, а строит его сознательно – так и О. Э.”. Она вообще утверждает, что М. сознательно и зряче шел навстречу своей судьбе. Так ли это?

[...]

Почему-то мне интересны эти рассказы о погибшем поэте, как давно уже ничего не было так интересно. В его судьбе фокус времени и других параллельных судеб.

Н. Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором. Для того чтобы перестать ей волноваться и продолжать жить всем этим, вероятно нужно всё записать и тогда это, уйдя из души на бумагу, перестанет ее тревожить и беречь.

10 января 1962 года

[...] Над, Яковл. дарит мне несколько страничек, исписанных карандашом: автограф О. Мандельштама – отрывок из моего любимого *Шума* времени.⁶⁹

6 сентября 1966 года

[...] Вчера утром делал выписки из своих старых дневников о всех упоминаниях Мандельштама по просьбе Н. Я. для какой-то картотеки Морозова (биографической)⁷⁰ и вдруг понял, что я могу написать о нем и начинаю понимать – как.

9 марта 1969 года

Не столько работаю, сколько сижу над бумагами. Прочел наброски о Мандельштаме. Ей богу, это лучше того, что пишут о нем Адамович и Вейдле, светила эмигрантской критики.⁷¹ Л. Я. Гинзбург м.б. написала и лучше, но у меня всё острее и образнее. У нее академичней.⁷²

Публикация и комментарии С. Василенко, М. Михеева и П. Нерлера

Сергей Василенко, Централизованная библиотечная система г. Фрязино,
Мандельштамовское общество, музей О. Э. Мандельштама

Михаил Михеев, НИВЦ МГУ

Павел Нерлер, Мандельштамовское общества, Мандельштамовский центр
НИУ-ВШЭ

Примечания

- 1 В публикации приняты следующие сокращения: А. Г. – А. К. Гладков; М-м, О. М., О. Э. – О. Э. Мандельштам; Н. Я. – Н. Я. Мандельштам. Публикаторы благодарят Ю. Фрейдина и А. Маньковского за помощь.
- 2 См. Гладков 1980; Гладков 1982.
- 3 См. Н. Я. Мандельштам 1997; Гладков 2000; Гладков 2006; Н. Я. Мандельштам 2008а; Гладков 2013-2014.
- 4 См. подборки из дневников 1960-1968 гг. в Гладков 2014а; 2014б; 2014в; 2014г; 2014д; 2014е; 2015 и другие.
- 5 Запись за 1 мая 1938 г. (Гладков 2013-2014, 109: 100).
- 6 Запись за 14 июля 1937 г. (Гладков 2013-2014, 108: 137).
- 7 Соответствующая подборка тянет на целую книгу объемом в 4 печатных листа. Ее подготовка и публикация представляется отдельной и очень интересной задачей недалекого будущего.
- 8 См. Мандельштам 1966: 18-19.
- 9 См. его публикации: Гладков 1997; Гладков 2008. См. также письма Н. Я. Мандельштам А. К. Гладкову об Ольге Ваксель: Нерлер 2008.
- 10 Композиция фрагментов принадлежит М. Михееву. Повторы в тексте убраны.
- 11 РГАЛИ Ф. 2590. Оп. 1. Д. 33. 36-листная единица хранения представляет собой подборку из правленной машинописи, местами склеенной из нескольких кусочков листа, и названа архивистами “О Мандельштаме. Наброски к неосуществленному очерку (1950-60 гг.)”. Название ‘Глоссы о Мандельштаме’ трижды повторяется как заглавное (на лл. 5, 7 и 23) и интерпретируется как авторское. *Глосса* – объяснение, толкование непонятого слова или выражения, данное на полях или в самом тексте древних и средневековых рукописей.
- 12 Имеется в виду третье издание *Камня*, выпущенное Госиздатом в 1923 г.
- 13 *Великолепный рогоносец* (фр. *Le cœli magnifique*), пьеса бельгийского драматурга Ф. Кроммелинка, написанная в 1921 г. В первом русском переводе Ивана Аксенова называлась *Великодушный рогоносец* и впервые была поставлена в России в 1922 г. Мейерхольдом в Театре Актера.
- 14 Жаров Александр Алексеевич (1904-1984), поэт-песенник 1930-х годов (песня ‘Взвейтесь кострами’). Уткин Иосиф Павлович (1903-1944), поэт и журналист; участник Гражданской и Великой Отечественной войн.
- 15 Государственный театр имени Вс. Мейерхольда (ГОСТИМ, ГосТиМ) – драматический театр, под разными названиями существовавший в Москве в 1920-1938 гг.
- 16 Камерный театр – драматический театр, основанный в Москве в 1914 г. А. Я. Таировым; в 1950 г. был закрыт; на основе его труппы и в том же здании на Тверском бульваре был организован Московский драматический театр имени А. С. Пушкина.
- 17 Московский государственный еврейский театр (Московский ГОСЕТ) – один из двух еврейских театров в Москве в раннее советское время. Основан в 1920 г., закрыт в 1949 г. в результате антиеврейских репрессий со стороны властей.
- 18 Ольшевская Нина Антоновна (1908-1991), театральная актриса; вторая жена Виктора Ардова, мать актеров Алексея Баталова и Бориса Ардова и писателя Михаила Ардова; входила в ближайшее окружение А. А. Ахматовой.
- 19 Яхонтов Владимир Николаевич (1899-1945), артист эстрады, чтец, актер, мастер художественного слова; создатель жанра “театр одного актера”.
- 20 Начиная с осени 1933 г., О. М. жил в писательском кооперативе в д. 5 по улице Фурманова (бывшее и в современное название – Нащокинский переулок).

- 21 Старый адрес А. Г. (пер. Грицевец, 8, кв. 24). Переулок Грицевец, или улица Грицевецкая, носили это имя (в честь дважды героя летчика-истребителя С. И. Грицевца) в 1952-1994 гг. (прежнее и современное название – Б. Знаменский пер.; в центре Москвы, между Волхонкой и Знаменкой). Семья Гладковых жила здесь с 1926 г., после переезда из Мурома. После смерти родителей, с 1960-х, в их квартире жила уже жена А. Г., Антонина Антиповна Тормозова (1919-1981; с ней Гладков к тому времени фактически расстался), а также их дочь Татьяна. За А. Г. оставалась формально одна комната – он держал в ней книги.
- 22 Ср. слова О. М.: “Чего ты жалуешься, [...] поэзию уважают только у нас – за нее убивают” (в главе ‘Гибельный путь’ в *Воспоминаниях* Н. Я.).
- 23 Сравнения О. М. с Герценом встречаем во многих местах дневника А. Г. Например, в записях от 10 октября 1960 г. (см. в части 2 настоящей публикации), а также от 24 июля 1964 г.: “Письмо от Н. Я. милое, уное. Довольна тем, что я написал о близости *Шума времени* и Герцена и пишет, что О. Э. очень любил Герцена”. Н. Я. вполне разделяла увлечение А. Г. – Герценом. Ср. ее письмо ему (от 21 июля 1964): “О. М. очень любил Герцена, считал его замечательным писателем и его бы очень обрадовало то, что вы проводите какие-то линии между ним и *Шумом Времени*. Кроме того, приятно прочесть вашу оценку Герцена, основанную на любви и уважении”. (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 298. Л. 52).
- 24 Имеются в виду подготовительные записи О. М. к *Путешествию в Армению*, впервые опубликованные в 1968 г.
- 25 Этому фрагменту в дневнике А. Г. есть параллель – в записи за 9 авг. 1971 г., когда автор прочел, наконец, изданную за границей книгу *Воспоминаний* Н. Я. и сравнил произошедшие в ней изменения с тем, что, как он помнил, читал еще в рукописи в Тарусе: “Выброшены или смягчены куски об отношении О. Э. к советской литературе в целом. В рукописи была ссылака на одно мое свидетельство о сравнительном равнодушии к первому аресту М-ма. Даже цитата была из ‘Встреч с Пастернаком’ и я ничего не имею против, что это сокращено. Многое было резче”. И далее следует абзац про помощь О. М. со стороны деятелей советского правительства и его собственное ощущение как человека гонимого, почти в точности совпадающее с этим, с таким заключением: “Короче, из всего рассказанного не следует, что М-м находился в исключительно плохом положении: скорее наоборот, но они были мнительны и возбудимы и начали воображать о травле раньше, чем она началась. Было трудно всем и М-му не больше, но он был поэтом и страдал не только за себя, а за всех.” (РГАЛИ, Ф. 2590. Оп. 1. ЕХ. 111. Л. 121).
- 26 Чекрыгин Василий Николаевич (1897-1922), живописец, график, один из основателей и наиболее ярких художников *Маковца*; ушел добровольцем на фронт 1-й мировой войны; в возрасте двадцати пяти лет трагически погиб, попав под поезд.
- 27 Гладков А. Планы, наброски, записи к историческому автобиографическому роману, 1960-е – 1970-е годы (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 30. Л. 21). А вот из более раннего письма Н. Я. – А. Г., 25 фев. 1964: “Вы не совсем понимаете то, что произошло с О. М. # Это был не обычный случай и до конкретных стихов его аккуратно всеми силами (писательскими) толкали к такому концу. Это можно кратко выразить такой формулой: “Подумаешь: стихи ничего не стоят, а он позволяет себе жить не так, как мы...” Кроме того, О. М. может и шел на гибель для того, чтобы поучились лучше обращаться и с людьми просто, и с поэтами.” (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 298. Л. 21-21об.)
- 28 Письмо Н. Я. Мандельштам сыну Б. Л. Пастернака – Е. Б. Пастернаку от 3 июня 1960, подаренное А. К. Гладкову с такой его собственной подписью: “Получил от Н. Я. в декабре 1961 г. в Тарусе” (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 501. Л. 2об.).
- 29 Видимо, за полгода до этого разговора Н. Я. фиксирует: “28 апр. 1965. [...] Жаль, что я не читала Гладкова. Все, что он мне передавал о разговорах с Пастернаком, поразительно точно.

“Я ВЛЮБИЛСЯ В ЕГО СТИХИ...”

Хорошо людям, которые поговорили с Гладковым. Он поразительно напоминал и воспринимал. Это, как говорил Пастернак и мы все, вполне “цитатно”. Алекс[андр] Конст[антинович] почему-то увильтывает и не дает свою рукопись. Скорее всего, потому, что я знаю Пастернака и, с другой стороны, и он боится моей свирепости. Напрасно”. (Мандельштам 2007: 305)

30 Около железнодорожной станции “Вторая речка”.

31 Это последний отрывок машинописи.

32 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 73. Л. 43. Здесь, в расширенной форме, – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше). Л.19.

33 Юзовский Иосиф (Юзеф) Ильич (1902-1964), театральный и литературный критик, литературовед.

34 Троценко Екатерина Дмитриевна (1903-1944), поэтесса и критик РАППовского толка. В 1929 г., будучи студенткой МГУ, публиковалась у О. М. в *Московском комсомольце*.

35 Брик Осип Максимович (1888-1945), драматург, теоретик Левого Фронта Искусства (ЛЕФа).

36 ‘Ленинград’ (‘Я вернулся в мой город, знакомый до слез...’, 1930).

37 Селивановский Алексей Павлович (1900-1938), советский критик, журналист, один из виднейших деятелей РАПП, ответственный редактор *Литературной газеты* (1931-1932). 23 ноября в *Литературке* вышла подборка стихов О. М. (‘Ленинград’, ‘Полночь в Москве...’ и ‘К немецкой речи’). 11 ноября, т.е. на завтра после вечера О. М., в той же газете вышел обзор А. Селивановского ‘Разговор о поэзии’, в котором был упомянут и О. М. В 1934 г. Селивановский процитирует неизданные стихи О. М. ‘Я пью за военные астры...’ (Селивановский 1934: 33).

38 Мирский (кн. Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович (1890-1939), литературовед, литературный критик, публицист, писал по-русски и по-английски; участвовал в Первой мировой войне (ранен в 1916, ссылался за антивоенные высказывания на Кавказ) и в гражданской войне (на стороне белого движения). С 1922 г. участник Евразийского движения. В 1931 году вступил в компартию Великобритании. В 1932 году при содействии Горького переехал в Советский Союз. В коллективной книге советских писателей “Канал имени Сталина” (1934), посвященной строительству Беломорканала силами заключенных, ему принадлежит глава ‘ГПУ, инженеры, проект’. В 1937 арестован, приговорен по “подозрению в шпионаже” к 8 годам исправительно-трудовых работ, 6 июня 1939 г. умер в лагере “Инвалидный” в 23 км от Магадана. Подробнее см. Минухин 2008: 272–280.

39 Крученых Алексей Елисеевич (1886-1968), поэт-футурист, теоретик и практик “заумной поэзии”; собиратель книг.

40 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 23. Здесь – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше), л.19.

41 Лавров Леонид Алексеевич (1906–1943) — поэт, близкий к конструктивизму; переводчик. Автор поэтических сборников: *Уплотнение жизни* (1931), *Золотое сечение* (1933); третий сборник *Лето* готовился к печати, но издан лишь в 2011 г.

42 Бродский Давид Григорьевич (1895-1966) – поэт и переводчик, сосед О. М. по подъезду в доме в Нащокинском пер. Находился у О. М. в том момент, когда поэта – в ночь с 16 на 17 мая 1934 г. – пришли арестовывать (см. главу ‘Майская ночь’ в *Воспоминаниях* Н. Я.).

43 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29.

44 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 76. Л. 77.

45 Сведениями не располагаем.

46 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29.

- 47 Хмелев Николай Павлович (1901-1945), актер МХАТа; в 1932 г. под его руководством был создан Театр-студия, просуществовавшая до 1937 г.
- 48 Один из учебных корпусов ВХУТЕМАСа до 1927 г. располагался на Мясницкой, 21.
- 49 Сведениями не располагаем.
- 50 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше), л. 20.
- 51 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше), л. 20.
- 52 Борис Константинович Пронин (1875-1946), режиссер, театральный деятель, актер, участник ряда театральных начинаний В. Э. Мейерхольда; главный автор проекта и владелец артистического кафе “Подвал бродячей собаки” в Петербурге.
- 53 Юрий (Георгий) Владимирович Саблин (1897-1937), военный деятель, комдив (1935); член ВКП(б) с 1919 г. Арестован 25 сентября 1936 г., расстрелян.
- 54 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше), л. 21.
- 55 См. Гладков 2013-2014, 107: 91.
- 56 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь – по машинописи эссе ‘Глоссы о Мандельштаме’ (см. выше), л. 21.
- 57 Вишневский Всеволод Витальевич (1900-1951), писатель, драматург, второй муж С. К. Вишневской, близкой подруги Н. Я. Во время ссылки О. М. в Воронеж, помогал О. М. и Н. Я. материально. Известен как активный противник Булгакова и Зощенко. С 1944 жил в Москве, был редактором журнала *Знамя*. Именно при нем в журнале был напечатан ряд стихов Ахматовой, что послужило поводом для ее травли (сам он отрекся от нее – см. в *Литературной газете* от 7 сент. 1946 г.).
- 58 Героические исследователи Арктики (от Д. И. Папанина, вместе с Э. Т. Кренкем, П. П. Ширшовым и Е. Ф. Федоровым совершившего в 1936-1937 гг. 9-месячный дрейф на льдине от Северного полюса до Гренландии).
- 59 Арбузов Алексей Николаевич (1908-1986), драматург, давний знакомый и соавтор АКГ по пьесам *Город на заре* (1938) и *Бессмертный* (1942), с которым тот в последние годы почти перестал встречаться, “раздружившись”. Плучек Валентин Николаевич (1909-2002), театральный режиссер и актер, с 1957 – главный режиссер Московского академического театра сатиры.
- 60 Гладков Лев Константинович (1913-1949), родной младший брат А. Г., был арестован 16 июля 1937 г., умер через несколько лет после возвращения (1945) с Колымы. Португалов Валентин Валентинович (1913-1969), поэт и переводчик; актер Моск. реалистического театра; в 1931-1934 учился в Литературном институте; арестован в 1937, осужден на 5 лет ИТЛ, привезен на Колыму. Освобожден 1942; с 1942 актер в Магаданском театре; в 1946 г. вновь арестован и осужден на 8 лет ИТЛ. После досрочного освобождения в 1952 до 1962 жил в п. Ягодном и Магадане; реабилитирован в 1956 г. Собирает фольклор Чукотки: “Вместе русский, чукча, эскимос К промыслу готовятся всерьез...”. Был ближайшим другом А. Г.; переехав после 1963 с семьей в Москву, где ему выделили квартиру как реабилитированному, руководил кафедрой литературного мастерства на Высших литературных курсах. Выпустил несколько стихотворных сборников.
- 61 Пушкинская аберрация. Надо: Второй Речке.
- 62 Нарбут Владимир Иванович (1888-1938), поэт-акмеист, прозаик, критик, редактор и издатель. Весной 1918 г. отправлен в Воронеж для организации большевистской печати; помимо этого в 1918-1919 гг. издавал “беспартийный” журнал *Сирена*. В 1919 г. жил в Киеве. 8 октября 1919 г., попав в занятый “белыми” Ростов-на-Дону, был арестован контрразведкой

как коммунистический редактор и член Воронежского губисполкома. Освобожденный при налете красной конницы, официально вступил в РКП(б). В 1922 г. переселился в Москву, работал в Наркомпросе, руководил издательством ЗИФ. 29 октября 1936 г. арестован НКВД (по обвинению в пропаганде “украинского буржуазного национализма”), осенью 1937 г. этапирован во Владивосток и далее на Колыму. 2 апреля 1938 г., в разгар “гаранинщины”, вторично арестован, осужден и 14 апреля расстрелян в карантинно-пересыльном пункте № 2 треста “Дальстрой”.

63 См. Гладков 2013-2014, 109: 103.

64 См. Гладков 2013-2014, 110: 119.

65 Пулюкин Иван Иванович (1903-1941), поэт. В 1929 г. работал вместе с О. М. в *Московском комсомольце*, был дружен и с А. Г. Погиб на фронте в декабре 1941 г.

66 РГАЛИ. Ф.2590. Оп.1. Д. 98. Л. 42.

67 РГАЛИ. Ф.2590. Оп.1. Д. 100. Л. 55.

68 См. Нерлер 2014.

69 Автографы О. М. в фонде А. Г. в РГАЛИ не выявлены.

70 Морозов Александр Анатольевич (1932-2008), филолог, мандельштамовед-энтузиаст, первоиздатель *Разговора о Данте*, писем О. М. к В. И. Иванову и др. В конце 1950-х гг. открыл для себя Мандельштама и увлекся им навсегда. Втянутый в конфликт между Н. И. Харджиевым и Н. Я., прекратил отношения с обоими. Здесь речь идет об уникальной библиографической справочной картотеке Морозова, сведениями из которой он щедро делился с коллегами. Ее современное местонахождение не установлено.

71 Имеются в виду статьи В. Вейде (‘О последних стихах Мандельштама’) и Г. Адамовича (‘Несколько слов о Мандельштаме’), опубликованные друг за другом в том же выпуске нью-йоркского альманаха *Воздушные пути*, что и гигантская подборка стихов самого О. М.

72 РГАЛИ. Ф. 2590. Д. 1. Д. 109. Л. 47. А. Г., по-видимому, был знаком с текстом статьи А. Я. Гинзбург, предназначавшейся в качестве вступительной к тому стихотворений О. Мандельштама в Большой серии “Библиотеки поэта” (ее значительно сокращенная редакция увидела свет только в 1972 г. (Гинзбург 1972)).

Литература

Гинзбург, Л. 1972. ‘Поэтика Осипа Мандельштама.’ *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, Т. 31, Вып. 4: 309-327.

Гладков, А. 1980. ‘Из дневников и “попутных записей”’ (Составление и подготовка текста В. В. Забродина). В: Гладков, *Театр. Воспоминания и размышления*. Москва, 9-81.

Гладков, А. 1982. “Протоколист своего времени” (Письма А. К. Гладкова к брату).’

(публикация В. П. Коршуновой). В: *Встречи с прошлым*. Вып. 4. Москва, 289-311.

Гладков, А. 2000. “Я не признаю историю без подробностей...” (Из дневниковых записей 1945-73).’ В: *In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина*. Санкт-Петербург, 521-654.

Гладков, А. 2006. ‘Попутные записи. Фрагменты.’ *Новый мир*, № 11, 119-139.

Гладков, А. 2013-2014. “Всего я и теперь не понимаю.” Всеволод Мейерхольд и 1936-1940 годы в дневниках А. К. Гладкова.’ (Публикация С. Шумихина). *Наше наследие*, № 106, 80-109; № 107, 74-101; № 108, 132-173; № 109, 96-113; № 110, 106-123; № 111, 116-129.

Гладков, А. 2014а. ‘Дневник. 1964. 1965. 1966.’ *Новый мир*, № 1, 153-161; № 2, 127-161; № 3, 133-167; № 10, 151-168; № 11, 127-161.

Гладков, А. 2014б. ‘Выписки из дневников Александра Константиновича Гладкова. 1961.’ *Литературная учеба*, № 3, 106-127.

- Гладков, А. 2014в. 'Дневник Александра Гладкова 1960 года'. *Нева*, № 4, 151-167; № 5, 153-170.
- Гладков, А. 2014г. 'Выписки из дневников Александра Константиновича Гладкова 1962 года'. *Нева*, № 11, 114-129.
- Гладков, А. 2014д. 'Дневник 1963'. *ФИЛОЛОГОС*, Вып. 22/3, 78-100.
- Гладков, А. 2014е. 'Дневник. 1968'. *Звезда*, № 1, 160-193.
- Мандельштам, Н. 1997. "Мандельштам был не по плечу современникам...". Письмо Надежды Мандельштам к Александру Гладкову. *Русская мысль*, 12-18 июня 1997, 10-12.
- Мандельштам, Н. 2008а. 'В споре о Бродском (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову)'. В: *"Сохрани мою речь...": Записки Мандельштамовского общества, Т. 14*, Вып. 4., Ч. 1. Москва, 257-273.
- Мандельштам, Н. 2008б. *Об Ахматовой*. Москва.
- Мандельштам, О. 1966. 'Армия поэтов' (публикация А. Гладкова). *Литературная Россия*, 19 августа 1966, 18-19.
- Мандельштам, О. 2007. 'Письма Н. Я. Мандельштам – Д. Е. Максимова'. В: *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения*. Москва, 285-340.
- Мнухин А. 2008. *Итоги и истоки. Избранные статьи*. Болшево.
- Нерлер, П. 2008. 'В поисках концепции. Книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками'. В: Н. Мандельштам 2008б, 32-43.
- Нерлер, П. 2014. 'Битва под Уленшпигелем'. *Знамя*, № 2, 126-163; № 3, 130-171.
- Селивановский, А. 1934. 'Распад акмеизма'. *Литературная учеба*, № 8, 23-36.